

С

ТАРОЕ поколение эстрады уходит, на смену ему приходит новое. Оно не похоже на нас — и это прекрасно! Новое не может не отличаться от старого, должно от него отличаться, обязательно, иначе традиции превратятся в штампы. Сейчас у нас сотни певцов, немало разговорников, но честь и хвала тому, чей голос, чья интонация сразу же узнаются среди этих сотен. Их будущее не вызывает сомнений. Если, конечно, они не остановятся на достигнутом. Талантливый артист эстрады должен отличаться не только от своих коллег, но и от самого себя вчерашнего.

Те, кому это удастся, идут впереди. Их имена у всех на устах. Геннадий Хазанов. На нашей эстраде это явление! Этот уникальный артист будет звучать и в XXI веке, потому что умеет уловить интонацию дня. И он по праву может продолжить ояд Хенкина, Райкина, других своеобразнейших наших артистов именно потому, что сам неповторим.

Клара Новикова, Евгений Петросян, Ефим Шифрин, Алла Азарина — все они разные, тем и интересны. Другие на эстраде не удерживаются. Разве что среди кричащих «певцов». Но там об искусстве речь не идет. Там скорее трибуна, а не эстрада.

Эстрада — дело коварное. Если однажды, надеясь на свое звонкое имя, славу и успех, ты перестанешь искать, — завтра заметишь, как в аплодисментах чуть-чуть ослабевает энтузиазм и восторг, а послезавтра твоё имя улетит из афиш и ты встанешь в ряды «и др.»

Да, нельзя не радоваться, что эстрадные песни разных жанров — от лирической и шуточной, до философской и публицистической, — обрели такую популярность. В этом немалая заслуга Иосифа Кобзона, и не только его одного. Ностораживает, что песня стала, я бы сказал, угрожающе агрессивна. Многочисленные ВИА так громыхают децибелами, что, кажется, еще один градус — и их можно будет назвать взрывчатыми веществами.

Вспоминаю, как песню «Ямщик, не гони лошадей» под аккомпанемент гитары пела мало кому известная артистка, именно артистка, а не только певица, Ксения Сваркова. Мы выступали в одном концерте. Как печально, сердечно герой песни просил: «Ямщик, не гони лошадей... мне некуда больше спешить... мне некого больше любить». Тут не было никакой сентиментальности, была сама жизнь. Правда человеческих чувств. Как мало осталось их у нас на эстраде. И как много крика и истерики. А ведь мы и так все взвинчены до предела...

На эстраде почти исчезли куплетисты. С уходом Ильи Набатова — не я первый, кто сетует об этом, — прозвучал, кажется, последний политический куплет. Едва-едва дышит скетч, а ведь когда-то он процветал у таких мастеров, как Борис Петкер и Семен Межинский, Рафаил Корф и Яков Рудин. Исчезли эстрадные инсценировки рассказов классиков, а с каким блеском играли Чехова Фаина Раневская и Осип Абдулов! Где музыкальный фелетон, в котором так прославился Александр Мецкер, и которому немало отдал сил автор этих строк! Конечно, времена меняются, новая жизнь требует новых мыслей, жанров, интонаций, новых взглядов на происходящее. Но разве куплеты и скетчи не способны на эти новые точки зрения!

Вот на эстраде оживился жанр пародии. Но оживился как-то однобоко. Не десять же лет показывать одних и тех же артистов, изобразя подергивание бровями Штоколова или утрированную походку Лещенко. Никогда не забуду одесского пародиста 20-х годов Леонида Рябинского. Он всегда завершал эстрадный концерт и пародировал артистов именно данного концерта, давал как бы его юмористическое обозрение. Рябинский был импровизатором в этом жанре, мгновенно схватывая манеру только что увиденных исполнителей. В те годы это был самый «кассовый» артист.

В «Советской культуре» от 7 апреля 1988 года, в рубрике «Есть мнение!», я прочел такое высказывание: «Мы никогда не решим проблему эстрады, если

будем пренебрежительно относиться к ее мастерам. Почему о творчестве Пугачевой за многие годы не написано ни одной профессиональной, умной статьи, ведь ее успех очевиден и вклад в музыкальную культуру неоспорим».

Я видел Аллу Пугачеву и по телевидению, и в программе, посвященной 70-летию Вооруженных Сил Советского Союза. Она была и постановщиком в содружестве с режиссером В. Жаком. Первое отделение программы было составлено из эпизодов времен гражданской и Великой Отечественной. Это было волнующее зрелище. А во втором — блистала она сама своим неповторимым искусством. Многие ее песни тематически соответствовали названию программы «Победители!». Это не так часто случается в эстрадных программах. Иногда название и содержание никак не соотносятся. Некоторые в ее успехе видят только ажиотаж, и исключительно среди молодежи. Ну и что? И какой в этом «криминал»? Молодежи у нас, наверное, полстраны. И именно молодежи прежде всего откликается на новизну.

В программе «Рождественские встречи», которая состоялась в 1989 году в «Олимпийском», премьера ее «Театра песни» показала, что Пугачева стала и талантливым режиссером.

Клавдия Ивановна Шульженко в своей книге «Когда вы спросите меня» так сказала о Пугачевой: «Ее яркая индивидуальность и артистизм принесли ей успех. Алла Пугачева очень талантлива. Певица любит сильные страсти, драматические ситуации. И вместе с тем способна быть предельно сдержанной в

Владимир КОРАЛЛИ — живая история нашей эстрады. Причем без всякой натяжки: ведь только что художественная общественность отметила семидесятилетие его творческой деятельности. Владимир Коралли — человек-театр, вобравший в себя жанры драматические и музыкальные, оперетту и хореографию. Владимир Коралли — литератор, с живым талантом и наблюдательностью. Свидетельство тому — книга «Сердце, отданное эстраде», которой Даниил Гранин предрек «прочную жизнь и блестящую карьеру». В публицистических заметках мастер рассуждает о судьбах искусства, которому посвятил жизнь.

Владимир
Коралли

КОВАРНОЕ ДЕЛО — ЭСТРАДА...

своих чувствах». Именно на примере Аллы Пугачевой я хотел бы подчеркнуть, как важно артисту, особенно эстраднему, не успокаиваться на достигнутом и как важно повседневное внимание со стороны эстрадных специалистов, чтобы таланты не тускнели, не обезличивались. Хотя, к слову, сам по себе диплом ГИТИСа, особенно в речевом жанре, это очень слабое основание, чтобы называться режиссером эстрады. В этом я убедился, присутствуя на последнем конкурсе артистов эстрады. Несколько представителей разговорного и конференсного жанра подготовили режиссеры, которые имели именно дипломы ГИТИСа, но они не имели, судя по результатам конкурса, никакого отношения к этой профессии. Были названы лауреаты, но кто их помнит? Кто может теперь назвать их фамилии!..

В который раз вспоминается Столярский. Великий педагог! Когда Столярский показал на конкурсе в Москве свою знаменитую пьютрку малолетних скрипачей в Большом зале Консерватории, его пригласили в правительственную ложу, а сидевший там самый могущественный человек того времени спросил: «Каким методом вы пользуетесь в вашей работе? Как вы определяете способности ваших учеников? Что вам необходимо в первую очередь для плодотворной работы?»

При этой беседе присутствовала аспирантка Ленинградской консерватории, талантливая скрипачка тех лет Галина Баринаова, мы часто встречались в эстрадных концертах, она-то мне и рассказала об этой беседе. На все эти вопросы Столярский, на своем своеобразном одесском говоре, о котором судачила вся театральная Москва, ответил: «...Когда ко мне приходит одна из одес-

ских мам и начинает убеждать, что у ее Рафика музыкальные пальцы, я сразу определяю: да, с такими пальцами он будет шикарно рубать мясо на Привозе. Вот, что касается занятий с учениками, я вам скажу сразу. Трудно, очень трудно в моих двух клетушках на Базарной улице, где я живу, заниматься с моими мальчиками. Вы представляете себе, когда на кухне Додик (Ойстрах) берет смычок и издает божественные звуки, которые бы одобрил сам Паганини, в это время в соседней комнатке, на игру Буси (Гольдштейн) начинает завывать Тузик, кстати, очень музыкальная собачка! Вот если бы какая-нибудь шиха могла приказать, чтобы в Одессе построили школу имени мене! — я бы на следующий конкурс привез таких скрипачей!..»

Прошли годы, и в Одессе была построена школа имени Петра Соломоновича Столярского. В чудесном четырехэтажном здании есть все условия для подготовки молодых музыкантов. Профессура, аспирантура, в каждом классе рояль, есть и партбюро, и профком... но до сегодняшнего дня Одесская школа не выпустила ни одного выдающегося скрипача!

никому никакой двухнедельной компенсации не выдали и никто из них никому не писал заявлений и жалоб. Да и куда было писать. Единственной инстанцией, дающей право выступать на эстраде, был талант!

А через некоторое время после аттестации в Одессе появились великолепные сапожники, портные, парикмахеры, косметологи, хозяева маленьких кафе, кулинары домашних обедов, продавцы горячих бубликов. На эстраде же остались, продолжали успешно выступать тогда еще молодые, но подающие надежды и впоследствии оправдавшие и украсившие нашу эстраду талантливые артисты.

Вот я и подумываю: если провести такую же аттестацию среди чиновников в Министерстве культуры РСФСР, укрывшихся за «китайской» стеной, в республиканских и областных управлениях культуры, в концертных организациях Госконцерта, Союзконцерта, Росконцерта. Я уверен, что в скором времени во многих городах и районах появились бы неплохие директора домов культуры и клубов, библиотечкари, кинемеханики, билетеры, гардеробщики, коменданты театральных зданий и концертных залов. Нужда заставила бы их самих трудоустроиться, и исчезли бы бесконечные объявления: «Требуется! Требуется! Требуется!». Думаю, что многие сумели бы появиться себя и в области концертно-администраторской, стать менеджерами.

Чтобы быть администратором, а тем более театральным, тоже нужен талант, притом незаурядный. В 20-х годах, в Ленинграде работал Станислав Ланге. Его называли гастрольным богом. В основном он помогал музыкантам, но иногда устраивал гастроли артистов и других жанров, даже мне как-то посчастливилось, благодаря его посредничеству, получить контракт в ташкентский летний сад «Хива». И тогда я услышал от него множество забавных рассказов из его администраторской жизни.

В те годы во многих городах существовали так называемые УЗП — управле-

ния зрелищными предприятиями. Без визы этого учреждения в городе работать было нельзя. Однажды Ланге привез в Самарканд на гастроли выдающегося балалаечника Бориса Трояновского. Перед началом гастролей, Ланге пришел за разрешением к начальнику самаркандского УЗП, раскрыл перед начальником красочный плакат Трояновского, где на самом видном месте красовалась фотография, на которой Трояновский сидел рядом со Львом Николаевичем Толстым в Ясной Поляне. Не каждому артисту выпало счастье выступать перед великим писателем. Такая афиша удваивала шансы и без того талантливого балалаечника.

Начальник УЗП внимательно разглядел афишу и удивленно спросил:

— Ну... этот с балалайкой... я понимаю, будет играть! — А что будет делать этот старик?!

Ланге сразу понял, с кем имеет дело, не растерялся и с присущим ему юмором, который до начальника УЗП вряд ли дошел, — ответил:

— Этот старик будет в гробу переворачиваться!!!

— Что? — крикнул начальник. — Фокус?! Не надо!

В апреле этого года в Одессе состоялся I Всесоюзный джазовый фестиваль памяти Л. О. Утесова. Я был счастлив — и как старый одессит, и как бывший художественный руководитель Ленинградского фронтового джаз-ансамбля (он работал в блокадном Ленинграде в творческом содружестве с К. И. Шульженко) — принять участие в столь престижном фестивале.

Знакомство и дружба с Леонидом Осиповичем Утесовым меня связывали с 1915 года, когда мы встретились в одесском «Большом Ришельевском театре» («Большой» был на 350—400 мест). По вечерам там давали оперетту с участием Л. Утесова, а в дневное время шли оперные спектакли: «Красная Шапочка», «Лиса и виноград», «Семь козлят» и др. В этих спектаклях принимали участие дети в возрасте от 7 до 13 лет. Это был настоящий профессиональный детский оперный театр. «Однажды, было это в 1915 году, бойкие одесские мальчишки разослали по улицам и совали в творческий содружество с К. И. Шульженко) — принять участие в столь престижном фестивале.

участии братьев Коралли!» — вспоминал Игорь Нежный в своей книге «Былое перед глазами».

И еще одно воспоминание, связанное с Утесовым. Не так давно состоялся вечер, посвященный 95-летию со дня его рождения. Среди многих экспонатов, которые были выставлены в фойе концертного зала «Россия», я увидел фотографию участников программы московского сада «Аквариум» 1924 года. Такой снимок есть и у меня. Вот он перед вами. Снимку шестьдесят шесть лет, мне тогда было восемнадцать.

Всех изображенных на нем людей я хорошо знал, со многими долгие годы встречался, а сегодня — я единственный, кто смотрит на эту фотографию живыми глазами. Вряд ли кто из читателей узнает меня, да я и сам узнаю с трудом, так же как и своего любимого земляка и учителя, обнявшего меня, Леонида Утесова. Рядом с ним — директор «Аквариума» Зиновий Дальцев. В прошлом Дальцев был актером, а потом перешел на административную работу. В пятидесятых годах был заместителем председателя Совета ВТО Александры Яблочниной. На фотографии знаменитая Наталия Тамара. Она была несравненной и в оперетте, и на эстраде. Зал бесновался, когда она повторяла припев песенки «Черт с тобой! Черт с тобой!» С ее любимой собачкой на руках сидит главный администратор театра Виктор Пильщиков. Стоит артист Театра сатиры Яков Рудин. В годы Великой Отечественной войны он погиб. Выступая в составе эстрадной фронтовой бригады, он попал в окружение и не вернулся...

Коварное дело — эстрада! Талантливые артисты у нас имеются. Побольше бы тех, кто заботился бы о них, профессионально понимал наш вид искусства. Чтобы таланты не вяли преждевременно, не тускнели, не обезличивались. И как тут не вспомнить таких театральных деятелей, как Александр Данкман, Тигран Тарумов, Игорь Нежный, Семен Добрыкин, Арнольд Арнольд, Давид Вольский. Или Бруно Какастрик во Франции, Сол Юрок в Америке. Они понимали, что талант — вещь хрупкая, что его надо беречь.

В эстраду идут энтузиасты. И надо, чтобы ею руководили не равнодушные чиновники, а люди компетентные, стремящиеся и умеющие сделать все, чтобы Малая форма Большого искусства — Эстрада, была искрометной! Ослепительной!